

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
возрастная группа (11 класс)

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить теоретические (письменные) и тестовые задания.

Время выполнения заданий олимпиады 270 минут.

Выполнение теоретических (письменных) заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и определите наиболее верный и полный ответ;
- отвечая на теоретический вопрос, обдумайте и сформулируйте конкретный ответ только на поставленный вопрос;
- если Вы отвечаете на задание, связанное с заполнением таблицы или схемы, не старайтесь детализировать информацию, вписывайте только те сведения или данные, которые указаны в вопросе;
- особое внимание обратите на задания, в выполнении которых требуется выразить Ваше мнение с учетом анализа ситуации или поставленной проблемы. Внимательно и вдумчиво определите смысл вопроса и логику ответа (последовательность и точность изложения). Отвечая на вопрос, предлагайте свой вариант решения проблемы, при этом ответ должен быть кратким, но содержать необходимую информацию;
- после выполнения всех предложенных заданий еще раз удостоверьтесь в правильности выбранных Вами ответов и решений.

Задания олимпиады считаются выполненными, если Вы вовремя сдаете его членам жюри.

Максимальная оценка – 80 баллов.

ЗАДАНИЯ

Задание 1. На российском телевидении есть программы, помогающие современным молодым людям изучать языки и литературу («Полиглот», «Живое слово», «Мы грамотеи»). На телеканал «Культура» была подана заявка для молодежи на изучение словесного искусства. В заявке были указаны популярные тэги. Определите, какие книги были представлены.

Тэги	Название произведения	Автор
☐ Учебник советской и христианкой истории. ☐ Годы 1920 – 1940, первой издание в 1973 г. ☐ Страна СССР ☐ Цитата «Никогда и ничего не просите. Сами предложат и сами все дадут» ☐ Тэги: Человек и Бог, человек и дьявол, человек и власть, Россия на распутье, материальный вопрос, борьба добра со злом, реальность и волшебство		
☐ Учебник обществознания ☐ Год 1949, перевод на русский 1989 ☐ Страна Великобритания ☐ Цитата «Кто управляет прошлым, - гласит партийный лозунг, - тот управляет будущим» ☐ Тэги: Человек и власть, сопротивление системе, маленький человек		

☐	Учебник декаданса		
☐	Год 1890, впервые переведен в 1906 г.		
☐	Страна Великобритания		
☐	Цитата: «Что пользы человеку приобрести весь мир, если он теряет собственную душу»		
☐	Тэги: Красота и уродство, вечность, инфантилизм		

Максимальный балл – 6.

Задание 2. Аналитическое задание

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Дмитрий Новиков

ПРАВДА ВОДЫ

Осенние тигры – печальные серые кошки...

Е. Лисовский

Сентябрь подкрался со спины и напугал внезапностью своей, яркими больными красками и плачем дождя. Еще вчера солнце выжаривало из голов весь задыхающийся русский сплин, превращая скромный северный городишко в Сан-Диего, и восхитительные девчонки своими гладкими загорелыми ногами проходили по напряженным как нервы, изнывающим от желания улицам, а сегодня кривые дождевые артерии робко пробивали себе дорогу на автобусном стекле, мешая Виктору прощаться с городом. Серая влажная пелена жила за окном, клубилась, смещалась слоями, и еще по дороге на автовокзал он радостно глотал мокрый пышный воздух, лицом с удовольствием ощущая дробные уколы мелкого посттумана и недодождя. Виктор был настоящим человеком воды, скользким тугокожим ревнителем влажной правды, которую осознанно противопоставлял сверкающей мишуре яркого солнца, в блеске своем таящей явную фальшь. Лишь только приходила осень и зажигала отражения уличных фонарей на ночном бархате мокрого асфальта, как Виктор вздыхал полной грудью, стремительно освобождаясь от суетного и пыльного опыта летней жизни.

Сегодня, наконец, стала сбываться давняя его мечта об одной спокойной, одинокой неделе где-нибудь в заброшенной, никому не известной деревне, где он смог бы спрятаться от самого себя, внешнего и притязательного. Виктор встал рано утром и торопливо собрался, стараясь отвлечься от вечного ощущения сосущей тревоги, которое легко могло разрушить любое активное намерение. Денег в семье оставалось достаточно много, на работе важные события сгущались к концу месяца, и он, решившись окончательно, подхватил сумку с трусами-носками, печатную машинку и выскочил из подъезда напрямик в осень.

Уже сидя в автобусе и сжимая в руке билет с дремучим названием «Гирвас», Виктор позволил себе поверить, что вот оно, свершилось.

Автобус тронулся с места. Поплыли за окном сумеречные улицы странного города. Неоднозначность была в удивительной несовместимости разных его составляющих, хмурых и веселых подмножеств, слившихся в одно целое. Город был подобен остывшей магне, в которой сплывались воедино и застыли жидкий камень и металл, сгоревшая органика живых организмов и магия расколотовой воды. Прекрасный, тонкий облик над вогнутой поверхностью озера странно не сочетался с приземленным, функциональным названием, главной составляющей которого был дымный «заводск», не «бург» и не «град» какой-нибудь, а вот так, простенько, по-рабочему. Несмотря на явно пролетарское происхождение витал здесь слабый мистический дух; он ощущался и в красоте скверов с вечной памятью о запахе горящих мертвых листьев, где можно не только пить дешевый портвейн, собравшись группками после рабочей смены, но и гулять, постукивая тросточкой,

абсолютно трезвому и печальному, вглядываясь в лица прохожих и узнавая в них себя; и в чайках, живущих во всех микрорайонах, сидящих на фонарных столбах, кружащихся в сухопутных дворах и умело конкурирующих с воронами и голубями за место на помойках. А вопреки этому духу и грустной незлобивости отдельных жителей, поверх них, убого и напористо протекала внешняя, официальная жизнь с провинциальной жадностью до всего яркого и крикливого, с дешевым опереточным театриком, с чуткой в стремлении предугодать все чаяния местных касиков газетенкой, с самими касиками псевдоевропейского, а на самом деле дремуче азиатского толка. Показателем был ежегодный опрос, проводимый печатным органом среди «лучших людей города», где с завидным постоянством в качестве любимого автора фигурировал Жюль Верн, слывя образцом высокой литературы. Даже главная достопримечательность, древние деревянные церкви на острове, возбуждали постоянный неумный ажиотаж, и по праву были переименованы в «Большие Чумилы» взамен прежних «Снежей».

Обо всем этом Виктор успел подумать еще до выезда из Мокрозаводска, и, обескураженно заметив, что с обратной стороны монумента «Добро пожаловать» отсутствует логичное «Зло убыть», наконец открыл долгожданную бутылку красного сухого вина и сделал большой, вкусный, терпкий глоток. Потянулись мокрые леса, свежие и бодрые как предсмертный порыв, иногда, параллельно появлению вдалеке людских обиталищ, ненавязчиво и мягко пованивало навозом. Осень, сладкая девушка-старушка, катилась вперед.

Деревню Гирвас он выбрал давно. Несколько раз проезжал ее на автомобиле и сумел заметить тугие струи быстрой и полноводной речки за околлицей, высокий деревянный мостик с крошащимися перилами и небольшое спокойное озеро вдалеке. В остальном же все – серые бревенчатые дома, оскоминные лодки, перевернутые кверху брюхом на берегу да магазинчик «Водка-гвозди» в центре – было именно тем местом, где он уже два года мечтал провести одну сентябрьскую неделю.

По замыслу эта неделя должна была стать ощутимой, плотной границей между тревожно любимым прошлым и зыбким будущим. Ведь всего месяц оставался до его, Виктора, 30-летия, той жуткой даты, после которой «лучше уже не будет», и только щемящее ощущение острой необратимости последних дней жизни смогло вырвать его из теплой рутины устоявшихся будней и посадить в холодный утренний автобус.

К тридцатилетию он подошел уже довольно зрелым человеком. Много чувств сумел узнать, познать и сложить во внутреннюю копилку, душой отзываясь на прикосновения их, отсюда и память была крепкой. Сам себе Виктор иногда удивлялся и радовался втайне грустной радостью своей успешности, и не было никакой в этом гордыни, а лишь сладкая печаль своего накопленного прошлого.

Он сделал еще глоток, уже более привычный и не такой острый, и услужливая память быстро и легко начала перелистывать страницы былого и дум. В их шелесте не было никакой механизменности, потому что не картинки с выставки жизни, не лица и обстоятельства, даже не чувства, придающие прошлому цвета и оттенки, запоминал Виктор, а истины, правды, точки прозрения, ветки и сучья, за которые удастся уцепиться и оглядеться на мгновение перед тем, как Великая река понесет тебя дальше. Это была дивная, драгоценная, сверкающая и тяжелая коллекция. Там ласково мерцала нежно-бежевая истина любви с ее первым взглядом, ничего еще не осознающим, но внутренне уже рванувшимся ответить «Да», с безумным моментом первой встречи после долгого ожидания, с солнечной теплотой кожи под твоими ладонями, с замиранием тайного наблюдения за собой: «Вот идет женщина, которую я, наверное, люблю, потому что люблю вот этот поворот ее головы, и то, как она выглядит сзади, я тоже люблю, и выражение лица, где девочка пытается притвориться взрослой». Насыщенно-синяя правда моря мерно дышала, а в ней и жестокий запах соленой воды с оттенками жизни и смерти одновременно, и прыжки палубы под ногами от качки и спирта, и свобода бескрайности. Красивых темных тонов были злые правды: ярко-коричневым было предательство, познанное с обеих сторон; тяжело-багряным веяло от безудержной злобы, когда в каждом кулаке все твои девяносто килограммов, и со свистом врезаются они в туманный образ врага впереди, отстаивая добро ли, зло ли, просто ли себя. Но здесь же была цвета

черного бархата правда любви к книге, дрожь в руках от вкусно изданного тома, неудержимая жажда обладания и трепетное, физиологическое наслаждение от первой фразы: «С третьего часа пополудни и почти до заката долгого, тихого, томительно-жаркого, мертвого сентябрьского дня...»

Опьянение пришло мягко и радостно. В очередной раз Виктор порадовался не столь давно приобретенному умению пить в общественных местах, преодолевая осуждающие взгляды гуляющей публики. В зеленые годы они с друзьями делали это с некоей боязливой юношеской бравадой и были убеждены, не без основания впрочем, что выглядят как молодые боги, прекрасные в своей беззаботности олимпийцы. Позже, когда стала прорезаться ранняя, незрелая мудрость и значительно убавилось искрометной, веселой энергии, публичная дружба с огненной водой приобрела несколько натужный оттенок дешевой хэмингуэвщины. Но только познав прелести раннего алкогольного гепатита, Виктор по-настоящему научился ценить в вине его суть, раскрепощенность вкуса и повод к печальному свободомыслию.

Закупорив бутылку удобной пробкой, он задремал на жестком сидении и проснулся от толчка, когда автобус въехал уже на лелеемый в мечтах мост. Времени до центра деревни хватило, чтобы отогнать сон и успеть замерзнуть, и, выйдя на привокзальной лужайке, Виктор был строг, собран и дрожащ. Стыдливо осознавая, насколько нелепо и непохоже на обычного грибника он выглядит со своей печатной машинкой, Виктор несмело подошел к извечным старушкам на ближайшей завалинке и, предварительно откашлявшись, справился о комнате с пансионом, неожиданно быстро получив лестные рекомендации о небольшом домике возле самого озера.

Пожилая хозяйка встретила нежданного гостя угрюмо и внимательно. К удивлению Виктора они быстро договорились обо всех условиях, включая возможность полуночного стрекота пишущей машинки.

Он бросил вещи в своей комнате и пошел к реке. Неспешные утренние крестьяне подозрительно оглядывали его, зная уже о странном постояльце. Виктор взобрался на мост, оперся о перила и стал смотреть на быструю тугую воду, наконец-то расслабившись и почувствовав непонятный прилив сил. Он сделал то, чего отчаянно хотел пять последних лет, но до недавнего времени не верил в самую возможность вырваться из ежедневной, привычной суеты и вот так, не планируя ничего заранее, приехать сюда, храня в памяти мост, реку и деревеньку, этот свой образ среднерусской возвышенности.

Мышцы реки извивались и крутились под ним, завораживая своим бесконечным движением. Виктор очень любил воду, ее непостоянство, о котором никогда не задумываешься всерьез и вспоминаешь только вкупе с какими-нибудь событиями как о мощном, успокаивающем душу фоне. Наблюдая за беззаботным кружением реки, он вдруг вспомнил, как в детстве часами мог смотреть на огонь, живущий в бабушкиной печи. Какое было тягучее ожидание, когда под дровами поджигалась береста, и нельзя было видеть начала, потому что дверку закрывали для тяги. А потом пламя бушевало и шумело, трещали поленья и выступала пена на их торцах, медленно иссыхая. Маленький Витек смотрел, как огонь захватывает все новые и новые территории, и загадывал желания, бросая щепку и считая секунды до того момента, когда она загорится. Иногда щепка ложилась поперек между двумя поленьями, и мальчик волновался, успеют ли проехать партизаны по подожженному фашистами мосту. Когда же огонь догорал и оставались только угли, открывалось запредельное царство красной красоты: в центре – ярко-оранжевое, переходящее в ослепительно-солнечное, ближе к краям оно становилось темно-красным, затем – бордовым, дальше – паутинно-серым. А над ним бегали светло-желтые язычки пламени, окаймленные ярко-синим ободком. Все это великолепие постоянно меняло свои очертания, цвета, границы, жило своей искусственной, калейдоскопической жизнью, пока не умирало, и тогда остывший прах выбрасывали в огород...

Начался мелкий дождь, разбавивший сочную акварель лиственного леса грязной водой из банки для полоскания кисточек, и Виктор поспешил домой. В темной комнате он включил свет и пошел было к мягкому дивану, но замер на полпути. Ему вдруг стало ясно, что некуда больше откладывать тот мучительный момент, которым жил подспудно всю сознательную жизнь, а

последние несколько лет – надрывно и отчаянно. Он сел к столу и неловко заправил белый лист в машинку...

Первая, сама важная, по Папе, фраза, приснилась ему несколько месяцев назад. Наяву он долго пытался и не мог выродить что-нибудь простое и с вывертом одновременно, что-нибудь до боли вкусное. А тут, пожалуйста, наготово и без особых хлопот. Утром, проснувшись, Виктор внимательно вспомнил весь сон и поставил в сознании флажок на место ночного прозрения.

А до этого были долгие годы, когда постоянные сомнения порождали глупое бездействие. Сразу после школы он хотел поступать в Литературный, но, убоявшись, остался в родном городке. Правда, для себя было придумано замечательное оправдание: как же я могу писать о жизни, не зная ее; нужно побывать, понять, почувствовать, а потом браться описывать. Впрочем, даже сейчас мысль эта казалась ему не лишенной смысла, и только тревожила и ввергала в унылое недоумение успешливость молодых гениев. Виктор поступил тогда на медицинский и внимательно резал трупы, мыл полы в операционных и изучал циничную науку врачевания, задвинув мысль о литературе в далекие закутки сознания. Затем была армия, после нее – смешные попытки бизнеса в экстремальных условиях русского рынка, два брака, двое детей, и книги, книги, книги. Чужие, написанные счастливыми, способными писать, они жили вместе с Виктором, и жизнь их была прекрасна своими взлетами и падениями, своим грубым вторжением в реальность и пугающе ощутимым изменением ее. Вся эта мирная раздвоенность продолжалась довольно долго, пока вдруг резко и оглушительно, как стакан водки, не ударило осознание утраченного времени. Виктор заметался. Он стал судорожно записывать свои «тонкие» наблюдения в записные книжки, натужно спорить о литературе в случайных пьяных компаниях и публично, но искренне, страдать от непопыток своих, пока однажды не понял пронзительно, что не произойдет ничего само по себе, что нужно ему просто сесть, просто взять бумагу и ручку и попробовать сделать то, чего просит душа...

Легко и свободно Виктор написал первый, красивый абзац, тот, о котором давно думал и в котором не позволял себе сомневаться. А дальше вышла заминка. Старательно напечатав последнюю из заготовленных фраз, он остановился, покачиваясь, на краю огромной пропасти, не зная, о чем писать дальше, куда-то делись все умные мысли, все изящные построения растаяли, и, оставшись один, Виктор стал беспомощно и обреченно озираться в поисках указующего перста, которого не оказалось поблизости. Это был страшный момент, одна из тех поворотных точек в жизни, когда высвечивается твоя судьба и суть – либо дикая первобытная интуиция дернет тебя в нужную сторону и спасет, либо ты промедлишь с самым первым движением, и через мгновение станет поздно что-нибудь предпринимать. Все это яркой вспышкой мелькнуло перед его глазами, и, отчаянно хлопнув, он вниз головой бросился в слова, не думая о них, стараясь успевать стучать пальцами по клавишам вслед за ускользающими мыслями и чувствами. Сам не понимая почему, Виктор стал писать о бабушке, как она привязывала его, маленького, веревкой к большому тополи, чтобы не убежал, пока она работает на огороде, и как однажды он все-таки умудрился освободиться от пут и оказался на высоком железнодорожном мосту, где заинтересованно лизнул железные перила, покрытые первым осенним инеем, и как причитала потом бабушка, оттаивая примерзший язык кипятком, а он стоял с широко открытым ртом и никак не мог понять, отчего такое невинное действие привело к ужасным последствиям.

Виктор никогда не думал, что когда-нибудь вспомнит об этом случае и, тем более, станет писать о нем, благо у него были заготовлены свежие рецепты спасения человечества, выраженные в прочувствованной, драматичной форме. Но, решившись, он уже не мог остановиться, и через два часа откинулся на спинку стула, с удивлением оглядывая печатный лист. Какая-то тихая радость родилась внутри. Виктор не выдержал и тут же перечитал написанное, сразу замечая все ошибки, неловкости и толстости, которые сделал, тем не менее понимая, тренированным читательским вкусом чувствуя, что получилось живо и хорошо.

Он очень устал и только сейчас заметил, что за окном сгущались сумерки. «Больше ничего сегодня делать не буду, – радостно решил Виктор, – а просто одиноко выпью водки». Одевшись, он выскочил из дому и быстро зашагал к магазину, а в голове уже крутился изящный переход от

примерзшего языка к первой взрослой боли, которая тычком отбрасывает детство в прошлое. Так, улыбаясь и приборматывая, он занял очередь в маленьком помещении, и стал ждать, дружелюбно поглядывая на соседей. Когда подошла его очередь, Виктор полез в карман за деньгами, но тут перед ним протиснулся, оттолкнув его плечом, небольшого роста человек с татуированными фалангами и в ватнике. В другой раз Виктор возможно и промолчал бы, но только не теперь, когда билась в руках шальная удача, а сердце пело от предчувствия будущих побед.

Человек в ответ на недовольный возглас попытался презрительно ткнуть кулаком в челюсть, но в тесноте не попал. Очередь угрюмо затаилась. «Пойдем», – ласково предложил он. «Пойдем», – радостно согласился Виктор. Они вышли из магазина, свернули за угол и остановились у покосившегося забора. Помня о том, как важно ударить первым, и будя в себе веселую ярость, Виктор попал левой, промахнулся правой и, охнув, сердцем поймал заточку. Оседая, он успел заметить силу и тоску в глазах своего противника.

Поздно вечером сержант местной милиции пришел описывать вещи. Он вывалил все из сумки на кровать, потыкал пальцем в клавиши машинки, затем поднес к глазам листок с печатным текстом: «Меня убил немецкий автоматчик. Его глупая пуля глухо тукнула в мою грудь, и я упал на спину без боли, лишь неприятен был парной язык его овчарки, когда она жарко слизнула кровь, плеснувшую у меня изо рта...»

«Письмо что ли,» – устало подумал сержант.

Осень 1997 г.

Выполняя целостный анализ произведения Д. Новикова, обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы: система персонажей (значимые портретные детали в обрисовке героев, отношения между персонажами и их развертывание в сюжете); повествовательная организация текста (на чью точку зрения сориентировано повествование? как этим определяется читательская реакция на происходящее?). Какие оттенки значения получает в контексте произведения заглавие?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Елена Николаевская
(1923 - 2026)

ПОЧТИ ПО АНДЕРСОНУ

Если хочешь быть счастливым,
Умножать спешу добро.
Как солдат своим огнём –
Медь меняй на серебро.

Были же Калоши Счастья –
Смытый кадр в немом кино:
Чьей-то неразумной властью
Отменили их давно...

...От рассвета до заката
Я судьбу свою плела,
И Дюймовочкой когда-то
И Русалочкой была,

На горошине принцессой –
Да недолго, день другой:
Ведь исправить ход процесса –
Силы не было такой...

Было всё: жара и стужа,
Жизнь казалась мне игрой...
А теперь лежу я в луже
Старой штопальной иглой.

Проанализируйте стихотворение Е. Николаевской. При желании вы можете использовать предлагаемые вопросы или идти своим путем.

- 1. Обратите внимание на заглавие. Какой смысл раскрывается в нем?*
- 2. Как выражены чувства лирической героини?*
- 3. Чем отличается синтаксический строй стихотворения и как это влияет на его общий смысл?*

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Максимальный балл – 50.

Задание 3. Творческое задание

Представьте, что вы – журналист, работающий в издательстве, специализирующемся на выпуске книг современных писателей для школьников. Вам поручено встретиться с одним из таких писателей. Создайте серию вопросов для интервью, которое вы планируете взять у него. О чем будет интервью? Какие типы вопросов следует задавать? Как грамотно выстроить интервью с писателем? Какие проблемы поднимает писатель XXI века в своих книгах, адресованных подросткам и юношеству?

В вашем ответе должна быть указана тема интервью (учитывается соответствие биографии и интересам писателя, актуальность, важность и значимость поставленной проблемы, свежесть, оригинальность идеи), вопросы интервью и комментарии возможных ответов (сжатость, точность, композиционная продуманность, полнота представления основной идеи вопросов, соответствие стиля и жанра, грамотность).

Максимальный балл – 24.